

УДК 93/94

“ДУХОВНЫЕ СЫНОВЬЯ”: ИНТИМНЫЙ ПАТРОНАТ В САЛОНЕ В.П. МЕЩЕРСКОГО

© 2010 М.М. Леонов

Самарская академия государственного и муниципального управления

Поступила в редакцию 15.12.2009

В статье исследуются отношения, сложившиеся в салоне князя В.П.Мещерского и его “духовных сыновей”. Автор приходит к заключению, что интимные связи служили особым каналом рекрутирования в элитарные круги российского общества рубежа столетий. Опираясь на обширный комплекс источников, автор описывает стратегии протектирования, практиковавшиеся Мещерским в отношении его “духовных сыновей”.

Ключевые слова: салон, патронат, протектирование, неформальные связи, должность, бюрократия, гомосексуализм, государственная власть, политика.

Салон издателя “Гражданина”, князя В.П.Мещерского, считался одним из наиболее влиятельных в чиновном мире Петербурга рубежа XIX – XX вв. Видную роль в салоне играли “духовные сыновья”. Этот термин обозначал узкую группу любимцев князя Мещерского, своих, проверенных людей (И.И. Колышко, Н.Ф. Бурдуков, И.Ф. Манасевич-Мануйлов). Они выполняли различные, порой деликатные поручения и пользовались особым покровительством хозяина салона. В отношениях с ними Мещерский выступал не посредником, а патроном: он снабжал их деньгами, устраивал им синекуры и даже завещал одному из них свое имущество.

Как известно, понятие “духовного” родства связано с обрядом крещения. “Духовным” называли крестного отца, возлагавшего на себя попечение о крестнике. Разумеется, В.П.Мещерский не крестил своих “сыновей”, однако использование данного смыслового кода подчеркивало существование тесной связи между ними. В дневниках и мемуарах современников неоднократно звучала мысль, что эта связь носила интимный характер.

Частная жизнь В.П.Мещерского исследована значительно хуже, чем его идейные воззрения. Сюжеты, связанные с сексуальной практикой, как правило, выводились за рамки исследований либо использовались для подтверждения его сомнительных моральных качеств и дурных наклонностей.¹ Как отмечал Дэн Хили, в течение долгого времени историки воспринимали интимные аспекты частной жизни как банальные и малозначачие в сравнении с эпохальными событиями политической истории страны.² Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что эти “второстепенные” вопросы сказывались на общественной деятельности издателя “Гражданина” и отражались на репутации его салона.

Среди скандалов, связанных с именем В.П. Мещерского, наибольшую известность получила история с трубачом (капельмейстером). В се-

Леонов Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социологии. E-mail: mtleonov@gmail.com

редине 1880-х годов по Петербургу поползли слухи, что солдат из лейб-гвардии 4-го стрелкового Императорской фамилии батальона попал в поле зрения князя Мещерского и стал его любовником. Эти слухи находят косвенное подтверждение в переписке хозяина салона. Так, в одном из писем, адресованных вице-директору департамента торговли и мануфактур министерства финансов Н.А. Ермакову, Мещерский писал:

“...решаюсь или вернее позволяю себе решить Вас просить убедительно, в качестве Дир(ектора) Деп(артамен)та и влиятельного лица при М(инист)ре Финансов, сделать счастливым одного маленького человека, лишённого претензий; человек этот капельмейстер в Императ(орской) Фамилии Стрелковом батальоне... Военное начальство согласно ему дать Станислава 3 степени, но для этого надо, чтобы представление пошло в виде ходатайства от Начальства Выставки, то есть от М(инистерст)ва Финансов к Военному Министру.

Если есть малейшая возможность, окажите эту услугу!

Ваш сердечно В.Мещерский
Фамилия капельмейстера Пабуда”.³

Настойчивые просьбы о награде для простого капельмейстера, звучавшие из уст рафинированного аристократа В.П. Мещерского, не могли не насторожить военное начальство. Командир батальона граф Ф.Э. Келлер узнал о связи, наказал капельмейстера и запретил ему видаться с Мещерским. В ответ “Гражданин” стал пускать в Келлера ядовитые стрелы, добиваясь его отставки. 7 сентября 1887 года Ф.Э. Келлер был уволен в 8-месячный отпуск с отчислением от командования батальоном.⁴

Дело вышло на поверхность, интрига огласилась, и оппоненты князя получили повод смаковать пикантные детали. К.П. Победоносцев сообщил Александру III историю во всех подробностях, добавив к этому рассказ о ссоре В.П. Мещерского с ближайшими родственниками и уговаривая царя прервать всякие отношения с человеком, опозорившим свое имя. Слухи о скандале с капельмейстером широко распло-

злись и крепко запомнились. Несколько лет спустя А.В. Богданович сравнивала этот скандал с похожей историей, герой которой кончил жизнь самоубийством.⁵ Мемуары Е.М. Феоктистова упоминают о “пакостной истории” Мещерского “с каким-то флейтчиком или барабанщиком”⁶, а записки С.Ю. Витте в деталях обличают “грязную роль” князя, который “по своему обыкновению” начал “доносить” и “писать грязные статьи”.⁷ К слову, Витте не упустил случая оттенить пороки Мещерского, противопоставив ему “совершенную правоту” Келлера, который был реабилитирован, получил высокое назначение и “славно погиб” в русско-японскую войну.

Пересуды о “постыдной страсти” доставили В.П. Мещерскому много беспокойства. Ему пришлось объясняться с Александром III по поводу истории с капельмейстером.⁸ Вопреки стараниям врагов, Мещерский так и не получил бесповоротную отставку. Здесь будет уместно процитировать слова И.С. Кона о том, что в русском обществе той эпохи к однополю любви “относились презрительно-иронически и в то же время избирательно. Если речь шла о враге, гомосексуальность использовали для его компрометации. В остальных случаях на нее закрывали глаза или ограничивались сплетнями”.⁹

Среди “духовных сыновей” были люди, имевшие за плечами опыт военной службы и обладавшие военной выправкой. Говорили, что в доме Мещерского был заведен бильярд, чтобы удобнее было разглядывать фигуры молодых гостей. Мемуары С.Ю. Витте утверждают, что в окружении “старого развратника” всегда был человек, который мог манипулировать им. Сначала эту роль играл И.И. Кольшко, затем – Н.Ф. Бурдуков.

В интересах князя Мещерского было прятать личную жизнь от чужого глаза и делать ставку на “своих” людей. История с капельмейстером огласилась вследствие того, что солдат сделал признание под давлением графа Келлера; а “свои” должны были держать язык за зубами. Как следствие, порою не представляется возможным заключить, насколько коротка была дистанция с тем или иным из протеже. Например, отставной унтер-офицер А.В. Киселев на протяжении ряда лет хлопотал о финансовых делах Мещерского, получал на руки по доверенности внушительные суммы денег, а сам жил в доме князя, однако трудно установить, был ли он только ходатаяем по делам или принадлежал к числу любимцев.¹⁰ Столь же туманна история взаимоотношений Мещерского с Д.И. Засядко. Согласно воспоминаниям А.Н. Наумова, близко знавшего Засядко, тот сделал карьеру благодаря дружбе с “котиком” Оболенским¹¹ и “нежному” знакомству с князем Мещерским.¹² Известный биржевой спекулянт И.П. Манус долгие годы пользовался особым расположением Мещерского и тесно сотрудничал с “духовными сыновьями”, однако вопрос о том, являлся ли он сам членом этой малой группы, также остается открытым.

“Духовные сыновья” пользовались безоговорочной поддержкой князя Мещерского. Их положение в салоне было привилегированным в сравнении с положением обычных клиентов. Это хорошо видно по текстам рекомендательных писем. Как правило, Мещерский изображал своих любимцев страдальцами, жертвами обстоятельств и людской несправедливости, о чем наглядно свидетельствует подбор эпитетов: “бедный”, “жестоко гонимый роком”, “оболганный”, – но в то же время “хороший и честный человек”, обладающий незаурядными талантами и рвением к работе. Такая завязка предполагала просьбы о снисхождении и всестороннем содействии под предлогом восстановления поправленной справедливости или личного одолжения хозяину салона.

Случалось, что, перечисляя достоинства своих любимцев, издатель “Гражданина” бросал адресату упрек в пренебрежении ими. Он остро реагировал даже на маленькие знаки невнимания к “духовным сыновьям” и в 1906 году бранил С.Ю. Витте за “злую обиду”, которую тот нанес, бросив телефонную трубку и не пожелав разговаривать с Н.Ф. Бурдуковым.¹³

Внушительный нажим сказался на служебном росте и финансовом состоянии протеже. Так, покровительство Мещерского помогло встать на ноги отставному офицеру Иосифу Кольшко. Сблизившись с Мещерским, Кольшко попал в ряды авторов “Гражданина”, где приобрел известность под псевдонимом “Серенький”. Впрочем, журналистская стезя не давала Кольшко достаточных средств, и покровитель взялся подыскать ему доходную и необременительную службу, а до той поры, чтобы фаворит ни в чем не нуждался, содержал его на свой счет. Об этом любопытном факте повествует письмо Мещерского Витте:

“С попыткой себя облегчить я снова решил-ся к Вам обратиться с просьбою устроить обеспеченное несчастному Кольшке положение на частной службе, дабы легче мне стало жить, так как на мне лежит долг чести его обеспечивать, и я ежегодно ему плачу 6000 рублей. Вы вошли по-видимому в мое положение и обещали устроить судьбу Кольшки: но, увы, и тут мне не повезло, ибо Кольшко получил 2000 рублей в год, и следовательно на мне осталось обязательство ему доплачивать 4000 рублей ежегодно”.¹⁴

Хотя Мещерский ссылался на “долг чести”, обязывавший содержать Кольшко, Витте разглядел за этим “долгом” интимную связь: в “Воспоминаниях” он причислил Кольшко к группе молодых людей, сблизившихся с Мещерским “на почве противоестественных грязных страстей”.¹⁵ Впрочем, это обстоятельство не помешало Витте содействовать карьере Кольшко, который удобно устроился на посту чиновника особых поручений при министре путей сообщения. Витте явно выделял Кольшко из числа своих служащих, и со временем их отношения переросли рамки строго официальных.

Витте вспоминал, что в начале 90-х годов Кольшико был направлен в Могилевский округ путей сообщения, чтобы произвести расследование о казнокрадстве и злоупотреблениях. Тот справился с заданием, но вел себя в Могилеве по-хлестаковски, бравлируя высоким положением в столице. Из мемуаров Витте следует, что позднее дурные качества Кольшико обнаружились со всей очевидностью: в 1897 году тот серьезно “проворовался”.¹⁶ Дело было передано в суд и получило широкую огласку, но князь Мещерский не оставил своего любимца. Под грифом “Совершенно секретно. Вам одним” он послал письмо государственному контролеру Т.И. Филиппову, выговаривая ему за “жестокый удар”, нанесенный “моему воспитаннику и духовному сыну Кольшико”. По уверениям Мещерского, его врагами была затеяна чудовищная авантюра, призванная опорочить ближайшего друга. “Жизнь для несчастного Кольшико стала адом, - жаловался Мещерский. - Ему бросили в лицо имя вора, не спросивши: украл ли он...”¹⁷ Издатель “Гражданина” также обращался за помощью к Д.С. Сипягину. Не помогло: Сипягин навел справки и отказал в своем содействии. Мещерский не забыл обиды и несколько лет спустя упрекнул Сипягина за тот отказ.¹⁸

Впрочем, Кольшико сравнительно легко оправился от этих потрясений. Благодаря заботе князя и помощи его влиятельных знакомых, “бедному Кольшико”, невзирая на дурную репутацию, удавалось получать разнообразные доходные места, к примеру, в “Брянском обществе” и ревизионной комиссии Китайского Банка, что позволяло жить вполне обеспеченно.

Известно, что Кольшико был женат, однако в течение долгих лет он поддерживал связи с Мещерским и другими “духовными сыновьями”. Он навещался в Гродненский переулочок даже после смерти князя, когда в его квартире обосновался Н.Ф. Бурдуков.

О Н.Ф. Бурдукове, офицере в отставке, современники писали не просто как о протеже Мещерского, но как о человеке, умевшем управлять своим патроном. Он жил у Мещерского и унаследовал его недвижимое имущество, стоимость которого к моменту вступления в права оценивалась в 105 500 рублей.¹⁹ Пользуясь своим влиянием, Мещерский определил Бурдукова на службу поближе к толкотне министерских приемных. В письме 12 мая 1904 года издатель “Гражданина” уговаривал В.К. Плеве сделать “глубоко сердечного”, “чистого”, “честного” и “деликатного” Бурдукова чиновником особых поручений при министре внутренних дел.²⁰ Убийство Плеве никак не повлияло на планы пристроить Бурдукова к теплому местечку. Князь обратился к П.Д. Святополк-Мирскому с той же просьбой: “Я прошу С.Ю. Витте взять на себя перед Вами ходатайство за судьбу некоего Бур-

дукова, подвешенную на нитке в минуту смерти Плеве. Витте Бурдукова хорошо знает – это... способный и верный человек”.²¹

Назойливая протекция Мещерского помогла Бурдукову сделать быструю карьеру, причем занимаемые им должности, как и у Кольшико, становились источником хорошего дохода. Возможно, это объяснялось способностью Бурдукова превращать выгоды служебного положения в звонкую монету. Наглядно иллюстрируя это умение, Витте рассказывал о поездках Бурдукова в Туркестан для изучения коврового дела²², на которые казна выделяла огромные суммы в десятки тысяч рублей. “Даже как-то раз, насколько мне известно, он получил командировочные деньги, совсем не ездивши в Туркестан”, - утверждал Витте.²³ В короткое время Бурдуков дослужился до действительного статского советника, стал камергером и получил три тысячи рублей ежегодной пенсии. Если верить Кольшико, незадолго перед гибелью П.А. Столыпин намеревался назначить Бурдукова “состоящим при своей особе”.²⁴ Закат императорской России Бурдуков встретил в должности шталмейстера, директора правления Общества Юго-Восточных железных дорог. Но главное, чем “духовный сын” был обязан своему покровителю – так это особым положением в мире русской бюрократии. Подобно И.И. Кольшико (а также и другому “духовному сыну”, И.Ф. Манасевичу-Мануйлову, числившемуся в министерстве внутренних дел), Бурдуков являлся агентом Мещерского в гостинных и служебных кабинетах. Со временем он сумел стать ключевой фигурой одного из кружков камарильи, специализировавшегося на политических и финансовых махинациях. Бурдуков переписывался с А.А. Вырубовой, водил дружбу с А.Д. Протопоповым, принимал Г.Е. Распутина, поддерживал отношения с Н.П. Саблиным и К.Д. Ниловым. Ссориться с Бурдуковым значило ссориться с Мещерским. Его считали поверенным во всех делах князя, и, когда в августе 1913 года император пожелал справиться о состоянии здоровья издателя “Гражданина”, первым делом спросили Бурдукова.

Но вместе с очевидными выгодами протекция Мещерского несла и неудобства. Слухи о “постыдном увлечении” любимцев князя превращались в оружие для их противников, то есть конкурирующих локальных сетей и высокопоставленных чиновников, предпринимавших шаги к ограничению влияния салона Мещерского на императора и на общественную жизнь. “Духовных сыновей” нарочито изображали ограниченными людьми, едва ли не марионетками, прятавшимися в тени патрона и во всем послушными ему. Крупный чиновник министерства внутренних дел, А.Д. Арбузов, именовал Бурдукова “бледной личностью”, известной лишь связью с Мещерским.²⁵ В том же ключе действовал князь М.М. Андронников, когда пытался

лишить Бурдукова “очень жирного и хорошего куша”: в апреле 1914 года он отправил И.Л. Горемыкину донос, в котором Бурдуков изобличался как мошенник, добывающийся незаконной концессии на открытие ипотечного банка в Царстве Польском; среди прочего Бурдуков был назван “приживальщиком” князя Мещерского. Обвинения в зависимости, под которой могла подразумеваться сексуальная связь, хорошо сочетались с обвинениями в мошенничестве - Бурдуков представлял человеком, безнравственным во всех отношениях, и это обстоятельство могло быть принято во внимание теми, от кого зависело решение вопроса. Действительно, донос Андронникова достиг цели: Горемыкин согласился с ним и послал письмо министру финансов, разрушив планы Бурдукова и его товарищей.²⁶

Отставные офицеры Бурдуков и Колышко, маленькие люди в сословном обществе, после сближения с Мещерским получили шанс круто изменить свою жизнь. Их покровитель по своему происхождению и положению был фигурой, которую могли не любить, но с которой считались. Протекция издателя “Гражданина” заставила многих влиятельных лиц действовать во благо “духовных сыновей”, порой им лично незнакомых или неприятных. Протеже Мещерского занимали не столько видные, сколько доходные должности, а рутине повседневной службы предпочитали синекуру чиновника особых поручений. Обосновавшись в этой нише, “духовные сыновья” укрепляли связи между посредником и ключевыми патронами, вовлеченными в орбиту его салона, а также добывали ценную информацию для “духовного отца”. История взаимоотношений Мещерского и его молодых друзей убеждает в том, что интимные связи служили особым каналом рекрутирования в те элитарные круги, которые пользовались внушительным влиянием в России рубежа столетий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970. С.74.

² *Healey D.* Homosexual desire in revolutionary Russia: the regulation of sexual and gender dissent. Chicago, 2001. P.1.

³ РГАЛИ. Ф.2555. Оп.1. Ед.Хр.1097. Л.13-14. В.П. Мещерский – Н.А. Ермакову, 19 июля 6/г.

⁴ *Богданович Е.В.* Стрелки императорской фамилии. Исторический очерк. СПб., 1899. С.141. После этих событий граф Келлер не получал крупных назначений до конца царствования Александра III. Любопытно, что уже через две недели после кончины императора он был произведен в должность директора Пажеского корпуса.

⁵ *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М., 1990. С.130-131.

⁶ *Феокистов Е.М.* За кулисами политики и литературы. 1848 -1896. М., 1991. С.238.

⁷ *Витте С.Ю.* Воспоминания: В 3 т. Т.3. М.-Таллинн, 1994. С.550-551.

⁸ ГАРФ. Ф.677. Оп.1. Ед.хр.105. Л.9-17. Отрывки из дневника князя В.П. Мещерского. 1868–1884 гг.

⁹ *Кои И.С.* Лунный свет на заре: Лики и маски однополой любви. М., 1998.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф.515. Оп.1. Ед.хр.2866а. Л. 45, 60, 77.

¹¹ Об интимных связях князя Оболенского см.: *Healey D.* Masculine purity and “gentlemen’s mischief”: sexual exchange and prostitution between Russian men, 1861-1941 // *Slavic Review*. 60. №2 (2001). P.241.

¹² *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1888-1917. В 2 кн. Кн.1. Нью-Йорк, 1954. С. 361-362.

¹³ РГИА. Ф.1622. Оп.1. Ед.хр. 439. Л.1 об. В.П. Мещерский - С.Ю. Витте, 4 сентября 1906 г.

¹⁴ РГИА. Ф.1622. Оп.1. Ед.хр. 449. Л.1 об. В.П. Мещерский - С.Ю. Витте, 6/д (1899 г.)

¹⁵ Из архива С.Ю.Витте. Воспоминания. - Т.1. Кн.1. СПб., 2003. С.266.

¹⁶ *Витте С.Ю.* Указ. соч. С.545.

¹⁷ ГАРФ. Ф.1099. Оп.1. Ед.хр.2178. Л.11-13. В.П. Мещерский - Т.И. Филиппову, 23 февраля 1897 г.

¹⁸ РГИА. Ф.721. Оп.1. Ед.хр.65. Л.4-4 об. В.П. Мещерский - Д.С. Сипягину.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф.515. Оп.1. - Ед.хр.2866а. Л.101. Правда, это имущество прежде было заложено князем Мещерским, но тем не менее в доме сдавались квартиры, и в 1914 году квартиранты должны были выплатить домовладельцу 13 284 рубля (Там же. Л.118-120).

²⁰ ГАРФ. Ф.586. Оп.1. Ед.хр.904. Л.27. В.П. Мещерский - В.К. Плеве. 12 мая 1904 г.

²¹ ГАРФ. Ф.1729. Оп.1. Ед.хр.1086. Л.8 об. В.П. Мещерский - П.Д. Святополк-Мирскому.

²² Бурдуков составил себе коллекцию ковров и даже напечатал о ней брошюру. См.: Ковры Туркестана коллекции Н. Бурдукова. СПб., 1904.

²³ Из архива С.Ю.Витте. С.267.

²⁴ РГИА. Ф.1622. Оп.1. Ед.хр.425. Л.1 об. И.И. Колышко - С.Ю. Витте, 1911 г.

²⁵ РНБОР.Ф.1000. Оп.2. Ед.хр.54. Л.3, 11. Арбузов А.Д. “Из близкого прошлого. Воспоминания директора департамента”.

²⁶ РГИА. Ф.472. Оп.40. Ед.хр.7. Л.356-356 об. М.М. Андронников - И.Л. Горемыкину, 28 апреля 1914 г.

“GOD-CHILDREN“: PRIVATE PATRONAGE AT PRINCE V.P. MESCHERSKY’ SALON

© 2010 M.M. Leonov

Samara Academy of State and Municipal Management

On the basis of a case-study of Prince Meschersky’ salon the article asserts that homosexual relations in the early twentieth century Russia could function as a ladder for upward social mobility, allowing a person to obtain a certain position and prosperity. Drawing on a wide range of sources, the author examines the structure of the homosexual network and communicative practices of the network participants.

Key words: salon, patronage, informal relationship, position, bureaucracy, homosexuality, state power, politics.

*Mikhail Leonov, Candidate of History, Associate Professor,
Department of History, Philosophy and Sociology.
E-mail: mmleonov@gmail.com*